

To improve the system of incentives for workers in the countries of the Eurasian Economic Union, including Kazakhstan, it is necessary to use modern approaches to formation the labor payment systems, where the evaluation of incentive system, incentive and remuneration of staff serves as one of the most important components. This allows enterprise managers to build effective operations aimed to increase the financial results and the dynamic development of the organization in the strategic perspective.

One of the most important institutional mechanisms contributing to formation and development of social and labor relations is a social partnership, which is a system of social relations between the representatives of workers, employers and public authorities to harmonize the interests of the parties of the employment contract on the regulation of labor relations, as well as on the establishment of a higher level of social guarantees for workers. The issues of wage, labor protection, creating a secure environment for it, training and retraining of workers should be solved through the mechanisms of social partnership.

Social stability of a society largely depends of the degree of implementation of the balance of interests of employers and employees. Thus, due to the current contradictory situation in the social and labor sphere which is crucial in the system of social relations there is the necessity of creating of the Society of Universal Labor, which forms and determines the basic interests and needs of the people.

References

1. Nazarbayev N.A. Social Modernization: 20 Steps to the Society of Universal Labor. – <http://www.inform.kz/rus/article/2478336>.
2. Cook J. How Google Motivates their Employees with Rewards and Perks. – <http://thinkingleader.hubpages.com/hub/How-Google-Motivates-their-Employees-with-Rewards-and-Perks>.
3. The Google Way of Motivating Employees. – <http://www.entrepreneurial-insights.com/google-way-motivating-employees>.
4. Armstrong M. Wages: a practical guide to building an optimal system of payment of labor and remuneration of staff / M. Armstrong, T. Stevens; per. from English. Under the scientific. ed. T.V. Gerasimova. – 2nd ed. – M.: Balance Business Books, 2012. – 512 p.
5. The 100 Best Companies to Work For Fortune/ – <http://fortune.com/best-companies>.

Шерьязданова К.Г.

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОЛЬ КАЗАХСТАНА В ДОСТИЖЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА

GEOPOLITICAL DYNAMICS IN CENTRAL ASIA AND KAZAKHSTAN'S ROLE IN ACHIEVING REGIONAL BALANCE

Key words: multilateral diplomacy, regional balance, Central Asian countries, regional security, integration processes.

Для стран Центральной Азии после получения независимости важнейшими задачами в сфере внешних отношений являются следующие: создание благоприятного внешнеполитического, экономического климата вокруг страны и формирование основ для стабильного и безопасного развития на международной арене. С небольшими вариациями,

внешнеполитический инструментарий большинства государств региона является сходным. Как уже отмечалось, для этого были объективные и субъективные основания.

Казахстан как одно из крупных государств региона также обозначил свои международные приоритеты. Определение приоритетов в области внешней политики в значительной мере испытало на себе корректирующее комплексное воздействие внутренних проблем в стране, отношений Казахстана с государствами СНГ, а также с региональными и мировыми державами. Подход Казахстана сводится к тому, что в силу своего геополитического положения и экономического потенциала страна не вправе замыкаться на узорегиональных проблемах и, соответственно, многовекторная дипломатия носит рациональный характер [1]. С многовекторной дипломатией и политикой балансирования связывается нейтрализация угроз безопасности Казахстана. Многовекторность была обусловлена следующими факторами: формирующейся геополитической конфигурацией на евразийском пространстве, нарастанием геополитического и геоэкономического соперничества традиционных и вновь образующихся центросиловых полюсов, распадом старых экономических и политических связей, увеличением вероятности потенциальных региональных и этнических конфликтов. Позиция Казахстана в вопросах регионального и макрорегионального взаимодействия обусловлена поиском компромиссов, которые видятся в виде многостороннего сотрудничества [2]. Геополитическое положение Казахстана и расклад сил в постбиополярную эпоху на международной арене детерминирует приоритетность нескольких крупных направлений в области внешней политики.

Несмотря на стремительный характер распада связей в постсоветский период, Россия и страны СНГ остаются одним из главных направлений внешнеполитической деятельности Казахстана. Складывавшиеся столетиями в рамках Российской империи/Советского Союза единый социально-экономический комплекс, культурно-информационное, образовательное, научное пространства оказывают достаточно сильное инерционное воздействие на всю внутреннюю жизнь Казахстана, что во внешней политике приводит к активизации попыток реинтеграции постсоветского пространства на новой и более оптимальной основе. Отражением этой стратегии стали различные проекты по созданию многосторонних структур, в которых Казахстан выступал и инициатором, и активным участником, таких, как создание на базе Таможенного Союза ЕврАзЭС, ЕАЭС, СВМДА, ОДКБ.

Геополитические тенденции в 1990-е гг. в Центральной Азии свидетельствуют о нарастающем интересе держав и крупных стран к ситуации в регионе. Интерес, с одной стороны, был обусловлен увеличением поставок энергоресурсов из Центральной Азии на мировой рынок, а с другой, проблемами международной безопасности. К активным действующим игрокам в регионе, а именно России, США, КНР, Турции, Ирану, добавились Пакистан, Индия и целая группа стран, реально и потенциально причастных к транспортным маршрутам из Центральной Азии на внешние рынки, а также заинтересованных в новых рынках и обеспокоенных проблемами региональной стабильности. Характеризуя ситуацию в Центральной Азии на начало 1990-х гг., У. Касенов писал, что в регионе «идет война между инвесторами за доступ к природным ресурсам, за тот или иной выбор маршрутов нефте- и газопроводов, за рынки сбыта, за внешнеполитические и внешнеэкономические ориентации новых независимых центральноазиатских государств» [3, с. 35–36]. Вопросы региональной стабильности и безопасности в Центральной Азии, связанные, в том числе с нетрадиционными вызовами и угрозами, стали одними из ключевых в основе подписания различных межгосударственных соглашений и

создания международных организаций. Различные страны, как известно, демонстрировали альтернативные модели развития и решения возникших вопросов. Тем не менее, по мнению, большинства специалистов, Россия сохранила за собой ключевые позиции в регионе. Для этого были экономические, политические, культурные и другие основания. Начиная с периода получения независимости, страны Центральной Азии и Россия были включены в различные двусторонние и многосторонние структуры. Разнообразие и широкий спектр международных организаций в СНГ, и Центральной Азии в частности, свидетельствует как о разной функциональной направленности последних, так и размытости их платформ, ряд из которых, если не альтернативен, то, по крайней мере, смежен.

По мнению российского геополитика А. Дугина, США – это триумф атлантистской идеи, в то время как Россия мыслится как оплот евразийства, историческая миссия которой заключается в объединении государств, отказывающихся признавать либерально-демократическую идеологию. [4, с. 725].

А. Дугин, на наш взгляд, закамуфлировал идею неомперской России под евразийство. Отдельные аспекты геополитической концепции А. Дугина корреспондируют с имперскими геополитическими конструкциями российского геополитика М.И. Венюкова, который в 1877 г. писал, что «персияне и афганы» всегда могут и должны быть «младшими братьями» России [5, с. 75]. В свою очередь, геополитическим соперникам США в Евразии, в частности на Среднем Востоке и Центральной Азии, Дугин отводит роль тактических младших партнеров Москвы. К примеру, по мнению российского исследователя, «Иран геополитически и есть Средняя Азия, точно так же как Германия есть Средняя Европа. Москва должна делегировать Тегерану миссию наведения «иранского мира» на этом пространстве, организацию прочного среднеазиатского геополитического блока, способного противостоять атлантистскому влиянию во всем регионе» [4, с. 242].

Примером из имперского исторического прошлого можно назвать подход Дугина, при котором он считает, что «Средняя Азия должна быть «растянута» по вертикали между двумя глобальными индоевропейскими реальностями – между русскими и персами. При этом следует всячески стремиться к тому, чтобы выделить во всем тюркском пространстве локальные автономистские культурные тенденции, поддержать регионалистские силы в автономных областях, усугубить трения между кланами, племенами, «улусами» и т.д. Повсюду в этой области следует стараться замкнуть территории, округа, промышленные комплексы, экономические циклы, стратегические объекты на территории, расположенные вне тюркского ареала, либо в строго меридиональном направлении» [4, с. 355]. Согласно Дугину, процесс геополитического реструктурирования этим не завершается, а идет далее на юг в Афганистан. Хотя это авторская теоретическая конструкция, проникнутая к тому же мистическими компонентами, тем не менее, она является отражением взглядов части имперски настроенного политического истеблишмента современной России.

Ряд сходных с вышеназванными выводами сделал другой российский исследователь Э. Поздняков, считавший, что мировая стабильность во многом определялась bipolarным балансом сил, высказал предположение, что, в связи «с объединением Германии, развалом Советского Союза и крушением системы социализма, умерло Европейское сообщество». Возникла принципиально иная геополитическая ситуация в Европе, в Евразии и в мире, «в которой нет места ни западноевропейской, ни восточноевропейской интеграции в обозримом будущем. Наступила пора дезинтеграционных процессов». Оценивая международную ситуацию как нестабильную, со значительной вероятностью

территориального передела мира, его ресурсов и стратегических рубежей, Э. Поздняков утверждал, что в новых условиях единственная сверхдержава – США получили уникальную возможность вклиниться в быстро меняющийся евразийский геостратегический регион, чтобы воздействовать на ход событий в нем в свою пользу. Задача Соединенных Штатов определялась следующим образом: «Раз и навсегда разрушить евразийский геостратегический монолит, не допустить доминирования в Евразии какой бы то ни было одной державы и, прежде всего, России» [5].

По мнению британского специалиста в области международной безопасности Р. Аллисона, Россия является региональным гегемоном и политика Москвы исходит из этого факта. Как полагает британский исследователь, «уязвимость стран Центральной Азии напоминает уязвимость стран третьего мира периода «холодной войны» [6, с. 48]. По мнению узбекского исследователя Ф. Толипова, Центральная Азия представляет собой полноценный и самостоятельный комплекс безопасности [7, с. 119]. Опираясь на теорию Б. Бузана, он считает, что Центральная Азия – пример внутренней трансформации, которая развивается в сторону сообщества безопасности и региональной интеграции [7, с. 120]. Вместе с тем международные процессы в Центральной Азии, на наш взгляд, пока не позволяют делать такие однозначные выводы. Самостоятельный комплекс безопасности на региональном уровне – вопрос скорее перспективы. Очевидно, что создание комплекса безопасности – это не кратковременный процесс и обусловлен группой факторов, важнейшими из которых являются внутренние условия для стабильности и безопасности.

Р. Аллисон полагает, что если Центральная Азия (или Центральная Евразия) является периферийной зоной, то это вызывает сомнения в корректности сравнения интеграционных процессов в Центральной Азии с другими частями континента [6, с. 50]. Прими-кание же к региональному гегемону, каковым является Россия, обеспечивает хотя бы частичное понимание участия стран Центральной Азии в различных структурах СНГ. Это привело к регионализму, поддерживаемому региональным гегемоном. Вместе с тем региональные гегемоны избегают принимать на себя глубокие обязательства в организациях, которые ограничивают их свободу действий. Деятельность Антитеррористического центра СНГ, как считает Аллисон, оказалась малоэффективной, так как ответственность за безопасность в Центральной Азии была разделена с Москвой, западными государствами и Китаем. Еще одним ответом на близость гегемона является балансирование, которое может оказать позитивное влияние на региональное сотрудничество по вопросам безопасности [6, с. 51]. По мнению Аллисон, одним из факторов, способствующих ориентации на Москву, была озабоченность местных режимов своей безопасностью [6, с. 52].

Правоммерно, на наш взгляд, считает Р. Аллисон, что многосторонность, к которой прибегает Москва, прикрывает двусторонние отношения между Россией и странами Центральной Азии [6, с. 53]. В таком случае закономерно, что для некоторых лидеров стран Центральной Азии оборонительные структуры и двусторонние соглашения предпочтительнее многосторонних структур или совместных военных структур без участия главных центров силы. Центральноазиатские государства мало надеются на региональные объединения, которые слабо институционализированы и могут оказаться недолговечными. Можно согласиться с мнением, что сотрудничество государств региона больше обращено к вопросам внутренней безопасности, чем традиционным формам внешней

обороны. В этом контексте, по мнению Аллисона, главный вопрос для лидеров стран Центральной Азии состоит в безопасности своих режимов [6, с. 61].

Хотя перед странами Центральной Азии стоят еще ряд сложных проблем, прежде всего внутреннего характера, вместе с тем в определенной мере можно согласиться с мнением иранского исследователя М. Рахмани, что регион оказался намного стабильнее, нежели предсказывали многие аналитики в период появления на международной арене новых независимых государств [8].

Таким образом, измерение безопасности общества и государства может изменяться, но суть ее остается прежней. На протяжении нескольких последних столетий ход истории Центральной Азии был тесно связан с внерегиональными политическими и экономическими центрами. Часто направленность векторов развития стран и народов, составляющих ныне регион, под воздействием державных соседей приводила к внутренним столкновениям и противоречиям. Учитывая динамику мировых процессов, разнохарактерность и разновекторность поведений большинства его участников, мы можем констатировать, что формирование геополитического ландшафта Центральной Азии находится в активной фазе. Большинство инициатив новых независимых государств Центральной Азии, а также соседних стран в сфере обеспечения безопасности и стабильности ориентированы на сотрудничество в сфере безопасности и торгово-экономической области. Эти два аспекта являются основополагающими (отправными) при создании систем региональной и международной безопасности. Учитывая динамику мировых процессов, разнохарактерность и разновекторность поведений большинства его участников, мы можем констатировать, что формирование геополитического ландшафта Центральной Азии находится в активной фазе. Вместе с тем правомерным представляется мнение, что совместное решение проблем и «видение общих перспектив» способны углубить региональное сотрудничество [9]. Для геоэкономического, геополитического и геокультурного пространства региона характерна была историческая тождественность. Имеется множество факторов, которые выгодно отличают регион от внешнего окружения и которые способны стать мощным фундаментом для действенного интеграционного объединения. Думается, от того, как будут задействованы еще не значительно раскрытые возможности, как будет реализован потенциал, будет зависеть успех развития самой региональной системы, а вместе с ней и ее составляющих. В этих условиях независимость стран постсоветской Центральной Азии как исходно равноценная, в настоящее время и в перспективе будет проходить испытания, при которых основным узловым моментом станет апелляция заинтересованными игроками к узко понимаемым политическими элитами стран региона национальным интересам.

Литература

1. Назарбаев Н. Из выступления на расширенном заседании Коллегии МИД Республики Казахстан, Астана, 14 сентября 1998 г. // Национальная безопасность: итоги десятилетия. – Астана: Елорда, 2001. – С. 68.
2. Ашимбаев М. Современная геополитическая ситуация в Центральной Азии в контексте интересов мировых и региональных держав // Казахстан в глобальных процессах. – 2005. – № 2. – С. 13.
3. Касенов У.Т. Безопасность Центральной Азии: глобальные, региональные и национальные проблемы. – Алматы: Университет «Кайнар», 1998. – 280 с.
4. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Изд. 4-е. – Москва: Арктогея-центр, 2000. – 928 с.
5. Поздняков Э.. Геополитический коллапс и Россия // Международная жизнь. – 1992. – № 8-9. – С. 5-15.

6. Аллисон Р. Регионализм как измерение безопасности и региональные структуры в Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах. – 2004. – № 1. – С. 48–65.
7. Толипов Ф. Некоторые теоретические аспекты центральноазиатской геополитики // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 6. – С. 142.
8. Рахмани М. Государства Центральной Азии: на чаше весов возможности и вызовы // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – № 2. – С. 156.
9. Косиченко А. Центральная Азия как объект-субъект геостратегии в эпоху глобализации // Безопасность и региональное сотрудничество: Сборник материалов международной конференции. – Алматы: КИСИ, 2004. – С. 62.